

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1.1. Высшее образование как ресурс социально-экономической адаптации

В развитых общественных системах возможности и пределы реализуемости полученного образования определены четкой связью между его уровнем и уровнями дохода и общественного положения. Определена даже «ценность» каждого года обучения, т.е. материальная выгода, которая извлекается на протяжении всего периода трудовой деятельности.

В нашей стране ситуация иная. В ходе трансформации российского общества, цепочка «образование – статус – доход» оказалась разорванной, вследствие чего возможности конвертации полученного образования в повышение дохода и социального статуса существенно уменьшились. Эти трудности усугубились кардинальным изменением структуры рынка труда, резким сокращением производства товаров и услуг, повлекшим соответствующее снижение не только высоко-, но и среднеоплачиваемых рабочих мест. Изменилась и социальная структура общества: высокий уровень образования и работа в отраслях, принадлежность к которым еще недавно предполагала высокий уровень общественного положения, его уже не гарантируют.

Обесценивание доходов и сбережений граждан в начале 90-х поставили их перед необходимостью опираться исключительно на собственные знания, умения и способности – нематериальные ресурсы адаптации. Нематериальными адаптационными ресурсами мы считаем те, что накоплены человеком в ходе социализации и не могут быть «отчуждены» никакими социальными экспериментами. Именно к таким ресурсам относится высшее образование.

В начале реформ успешная адаптация не всегда связывалось с наличием высшего образования – реализовывалось большое число относительно успешных стратегий, основанных на социальных связях, энергии, работоспособности и т.п. Более того, исследования начала 90-х [11] показывают,

что часть преуспевающих групп общества никак не связывала свой успех с уровнем образования и рассматривала его как фактор, не увеличивающий шансы на успешную адаптацию.

Подобная ситуация иллюстрирует проблему реализуемости социальных ресурсов. Институциональная среда того периода не давала возможности эффективной реализации полученного образования. Основанные на нем адаптационные модели оказались блокированы сложившейся социально-экономической реальностью. В результате, у молодежи появился существенный антистимул получения высшего образования.

С середины 90-х ситуация изменилась. Со стороны рынка труда стали поступать сигналы о смене приоритетов работодателей: качественное образование стало необходимым условием получения относительно хорошо оплачиваемых и престижных рабочих мест. В результате, начиная с середины 90-х годов, спрос и предложение на рынке услуг высшего образования перманентно возрастают: увеличивается число высших учебных заведений, расширяется спектр специальностей, по которым идет обучение, растет число потребителей образовательных услуг высшей школы. Ситуация в сфере высшего образования все чаще характеризуется словосочетанием «образовательный бум». При этом стремительно стала развиваться система платного высшего образования: сеть коммерческих учебных заведений с каждым годом расширялась. Лишь в 2001/02 учебном году количество негосударственных Вузов стабилизировалось, приблизившись к 400 учебным заведениям.

Заметно растет число молодых людей, получающих высшее образование. При рассмотрении динамики реализованного спроса на эти услуги, можно увидеть, что после некоторого сокращения в первые годы реформ, начиная с 1995 г. отмечается ежегодный рост числа студентов, причем с каждым годом увеличение спроса становится все более настоятельным. В результате, за десятилетний период с 1993 до 2003 года, численность студентов увеличилось более чем в 2 раза. Налицо так называемый «синдром всеобщего высшего образования» [23] (см. табл. 1.1). При этом растет платежеспособный спрос на образовательные услуги этого уровня: наряду с повсеместными и неизбежными затратами на поступление в Вуз и «упущенными заработками», полностью

оплачивают свое обучение 44,1% сегодняшних студентов [92], тогда как в 1992 г. возможностями полностью или частично платного обучения пользовались немногим более 250 тыс. человек [81].

Таблица 1.1

Динамика количества высших учебных заведений и численности студентов

Учебный год	Число высших учебных заведений			Численность студентов (тыс. чел.)		
	Государственные	Негосударственные	Всего	В государственных	В негосударственных	Всего
1985/86	502	0	502	2966	0	2966
1990/91	514	0	514	2825	0	2825
1991/92	519	0	519	2763	0	2763
1992/93	535	0	535	2638	0	2638
1993/94	548	78	626	2543	70	2613
1994/95	553	157	710	2534	111	2645
1995/96	569	193	762	2655	136	2791
1996/97	573	244	817	2802	163	2965
1997/98	578	302	880	3047	202	3248
1998/99	580	334	914	3347	251	3598
1999/2000	590	349	939	3728	345	4073
2000/01	607	358	965	4271	471	4741
2001/02	621	387	1008	4797	630	5427
2002/03	655	384	1039	5229	719	5948

Источники: Российский статистический ежегодник. Официальное издание Госкомстата России. М., 2002 и Образование в РФ. Статистический сборник М., 2003.

Двукратное увеличение числа Вузов, произошедшее за последнее десятилетие, не привело к редуцированию конкурсной составляющей. Количество «бюджетных мест» за рассматриваемый временной период сократилось, и средний конкурс на вступительных экзаменах в последние годы приближен к значению «2 человека на место», подвергаясь не очень значительным колебаниям (см. табл. 1.2).

Таблица 1.2

Конкурс на вступительных экзаменах в государственные Вузы

Год	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Конкурс на вступительных экзаменах ¹	166	194	204	185	175	179	184	187	188	194	190	187	183	189

Источник: Образование в РФ. Статистический сборник М., 2003.

Наша страна занимает одно из лидирующих мест в мире по удельному весу лиц с высшим образованием в численности экономически активного населения (23%). Лишь в США, Норвегии и Нидерландах этот показатель выше; в таких странах, как Японии, Канаде, Испании и Великобритании он несколько уступает российскому. В Германии данный показатель характеризуется 16-ти процентным значением, а в Португалии и Австрии – лишь 8-ми процентным [92].

Перспективы развития образовательной системы нашей страны затруднены недостатком финансирования, проблемой, остро стоящей на протяжении всего периода реформ. Государственные расходы на образовательную сферу в 90-е годы резко сократились, и сократились даже в большем объеме, чем на другие отрасли социально-культурной сферы, что отражают данные таблицы 1.3.

Таблица 1.3

Государственные расходы на отрасли социально-культурной сферы

Отрасли социально-культурной сферы	Расходы государственного бюджета по годам, % к уровню 1991 года								
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Образование	100	79	79	76	56	58	64	52	49
Здравоохранение	100	80	91	81	59	57	65	51	51
Культура, искусство и СМИ	100	91	81	87	63	54	60	46	51

Источник: Повышение эффективности использования средств федерального бюджета в сфере образования. Клячко Т., Рождественская И. / <http://www.iet.ru/usaidd/obrbud/obrbud.html>

¹ Число заявлений о приеме на 100 мест

При межстрановых сопоставлениях видно, что государственные расходы на образование в России (% к ВВП) ниже, чем во всех 28 странах, данные по которым составили основу сопоставлений. Доля ВВП, расходуемого на эту сферу, в нашей стране ниже не только по сравнению со странами Западной Европы (Австрии, Германии, Великобритании и др.), но уступает также показателям, зафиксированным в таких государствах, как Польша, Венгрия, Словакия.

Отмечаемый статистикой заметный рост спроса на высшее образование после определенного спада в первые годы реформ, во многом объясняется не тем, что уровень и качество высшего образования стали больше соответствовать потребностям изменившегося рынка труда. Для многих молодых людей значимым стимулом поступления в Вузы является возможность избежать военной службы. Для других ценность учебы ограничивается получением диплома о высшем образовании.

Безусловно, за десятилетие реформ рынок образования и рынок труда достигли определенного равновесия. Но очень часто оно состоит в том, что работодатель, не имея трудовых ресурсов, отвечающих его требованиям, принимает на работу выпускника Вуза, впоследствии переучивая его посредством развивающейся системы дополнительного образования. Диплом в этом случае выполняет лишь «сигнальную» функцию. Полученные знания и денежные средства, вложенные в подготовку такого специалиста, далеко не всегда дают желаемую «отдачу».

Таким образом, можно определить основные тенденции, характеризующие развитие системы высшего образования в последние годы:

- Наличие высшего образования все чаще включается в число неперенных требований рынка труда;
- Спрос и предложение на рынке образовательных услуг постоянно растут;
- Развивается система платного высшего образования;
- Уровень государственного финансирования системы высшего образования невысок;

- Потребители услуг высшего образования демонстрируют различные цели получения вузовского диплома.

Мы видим, что система высшего образования нашей страны описывается противоречивыми тенденциями. На всех уровнях – ведомственном, законодательном, равно как и на уровне общественного сознания, - сформировалось мнение о необходимости реформирования образовательной системы. Дискуссии вызывает лишь вопрос о масштабах и направленности изменений. Очевидно, что успех реформ и их эффективность зависят от понимания того, какие социально-экономические проблемы могут быть решены с их помощью.

Властными институтами в последние годы декларируется первостепенная значимость системы высшего образования в стратегическом развитии страны. В этом смысле закономерна задача социальной адресности современной образовательной системы, сформулированная в Концепции модернизации российского образования в период до 2010 г. [73]. Она предполагает четко определить, в чьих интересах осуществляются те или иные изменения, и каких ответных мер со стороны заинтересованных субъектов реформирования они потребуют. Решение проблем образовательной системы в такой постановке требует фокусирования на проблемах доступности высшего образования и его максимальной реализации на конкурентном рынке труда.

В отечественной экономической и социологической науке в последние годы проведено большое число исследований, посвященных изучению различных аспектов функционирования образовательной системы.

В публикациях, сфокусированных на проблемах высшего образования, ставится вопрос о том, насколько современное высшее образование в России соответствует реальным потребностям рынка труда. Эта проблема начала рассматриваться в отечественных исследованиях еще в 60-70-х годах прошлого века, когда В.Н. Шубкин, исследуя проблемы профессионально самоопределения молодежи, проанализировал существование в обществе противоречий между потребностями рынка труда и структурой профессиональных склонностей молодежи [99]. Исследования были продолжены в 80-90-х годах. Выявлено рассогласование между спросом на профессии, в

которых хотели бы реализоваться молодые специалисты, и предложением соответствующих рабочих мест. В последние годы проблема дисбаланса потребностей рынка труда и возможностей системы высшего образования значительно актуализировалась. Например, в Докладе о развитии человеческого потенциала, среди основных функций образовательной системы выделено «обеспечение условий для успешной социализации и самореализации в меняющемся обществе» [31]. Не вызывает сомнений, что российская система образования «должна готовить учащихся к продуктивной жизни в условиях рыночной экономики» [31]. Система образования должна соответствовать современным требованиям, и ее структура и содержание требуют обновления [56]. Отечественными исследователями предпринимаются попытки разработки механизма согласования возможностей высшей школы с потребностями рынка труда.

Исследователями определен высокий престиж образования среди молодежи. Это характерно для всех социальных групп: около 80% выпускников школ намерены поступать в Вузы [70]. Среди аргументов, которыми школьники обосновывают желание получить вузовский диплом, наибольший ранг имеют стремление к получению интересной работы, высокой заработной платы и карьерные мотивы [70]. В целом, профессиональные предпочтения и трудовые ценности молодого поколения россиян формируются, в первую очередь, под воздействием прагматических установок и ориентаций.

Большое внимание уделяется исследованию социального поведения молодежи в сфере образования [напр., 48]. Модель трансформационного поведения в сфере образования, пишет Д.Л. Константиновский, «зависит от факторов, определяющих социальную ситуацию, с одной стороны, и социальных ресурсов индивида или группы, с другой». Автор отмечает, что «Вузы – главное направление в ориентации тех, кто получает полное среднее образование». При этом «фиксируется дифференциация личных планов учащихся в зависимости от социально-профессионального статуса родителей» [66]. Исследования родительских стратегий в отношении образования детей, взаимосвязи статуса и ресурсного потенциала родителей с образовательными стратегиями детей

отражены также в работах Д.Л. Константиновского [47;46], Я.М. Рощиной [80], И.В. Бестужева-Лады [13] и других ученых.

В числе важных проблем в сфере высшего образования признается неравенство доступа различных групп населения к получению образовательных услуг [31;44;70]. Выявляются основные факторы, снижающие доступность высшего образования для разных групп населения.

Проведенные исследования фиксируют различные возможности поступления в Вуз для молодежи, закончившей общеобразовательную школу, учреждение начального- и среднего специального образования [18]. Делается вывод о глубокой дифференциации в сфере высшего образования в России, вследствие практики снижения государственного обеспечения системы материальными и финансовыми ресурсами [66]. Отмечаются не только различия в доступности высшего образования; даже на уровне средней школы «осуществляется селекция уже при переходе к старшим звеньям общего образования» [55]. Определенное внимание уделяется изучению гендерных аспектов неравенства в доступности качественного образования и возможностей его эффективной реализации [12].

Образование традиционно рассматривается в рамках стратификационных теорий как неперенный критерий отнесения к определенному социальному слою и важнейший инструмент вертикальной мобильности. Получение ресурсов в сфере образования в значительной степени обуславливает социальную мобильность, доступ в дальнейшем к другим общественным благам, однако проведенные исследования фиксируют неполную реализуемость высшего образования в повышение социального статуса [10; 2;3;105].

Вместе с тем, следует отметить, что круг вопросов, связанных с возможностями получения и реализации высшего образования в условиях трансформирующегося общества России, до настоящего времени исследован не полностью, что делает актуальным дальнейшие исследования в этой области.

1.2. Концептуальные подходы к исследованию роли образования в процессе социально-экономической адаптации

Наиболее подробно проблему образования, как ресурса получения конкурентных преимуществ, и фактора, определяющего социально – экономическое поведение, рассматривает теория человеческого капитала. Основоположниками этой теории, получившей в настоящее время широкое распространение, являются Т. Шульц, Г. Беккер и Дж. Минсер. Дж. Минсер в статьях "Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода" [120] и "Обучение на рабочем месте: затраты, отдача и некоторые следствия" [121] обосновал особенности персонального распределения доходов на основе различий между индивидами с точки зрения полученного профессионального обучения и рассчитал индивидуальный доход от инвестиций в образование. Термин «человеческий капитал» был введен Т. Шульцем [129]; Г. Беккер разработал целостную теоретическую схему, описывающую эту категорию [107].

Данная теория рассматривает решение о поступлении в Вуз как инвестиционную задачу: здесь есть свои издержки и ожидаемые выгоды, ради которых и предпринимаются расходы. В стандартном варианте инвестиционная задача решается формально с учетом только стоимостных характеристик издержек и выгод. Вместе с тем, сами авторы теории человеческого капитала не раз подчеркивали, что, помимо финансовых, существуют и нефинансовые издержки получения высшего образования. С другой стороны, и выгоды от высшего образования не исчерпываются только денежными преимуществами – высокообразованный человек получает более интересную, престижную работу, соответствующий статус, возможности карьерного роста. Все эти «неденежные» выгоды и издержки не учитываются в формальной модели человеческого капитала, но могут, на самом деле, серьезно повлиять на решение о поступлении в Вуз.

Развитием модели человеческого капитала стали исследования Й. Бен-Пората, в которых, помимо названных факторов, учитываются, во-первых, индивидуальные способности к обучению и, во-вторых, уже накопленный

уровень человеческого капитала [108]. Бен-Порат, таким образом, вводит понятия индивидуальных и социальных факторов.

К настоящему времени разработана методика, позволяющая дать оценку отдельным параметрам человеческого развития и построить его интегральный показатель (Human Development Index) [31]. Накоплена не только огромная эмпирическая, но и методическая база, позволяющая количественно оценивать и сравнивать те или иные параметры человеческого развития не только между странами, но и проводить внутри отдельных стран сравнения различных территориальных, социальных и демографических групп населения. Среди отечественных разработчиков данной концепции можно выделить М.М. Критского, Р.И. Капелюшникова, С.Д. Валентя, Л.И. Нестерова [17;42;54] и др.

Принципиально важное толкование концепции человеческого капитала состоит в утверждении, что развитие не может быть сведено только к экономическим параметрам (прежде всего, увеличению благосостояния) и даже во многих случаях осуществляется независимо от них. Следовательно, традиционные макроэкономические показатели, такие, например, как среднедушевой доход, не являются вполне адекватными характеристиками развития, и потому должны дополняться измерением разного рода социальных параметров или социальных ресурсов. Исследования, базирующиеся на такой постановке, кооперируют в единый показатель как оценку ресурсов человека (в том числе, уровень образования), так и характеристики внешних условий человеческой жизнедеятельности [7;14;69].

Обращение к теории человеческого капитала позволяет нам проанализировать функции образования как адаптационного ресурса, а также процессы накопления образовательного потенциала и его эффективного использования для достижения преимуществ на конкурентном рынке труда. Опираясь на теорию человеческого капитала, мы можем говорить, что ресурсы достижения социально-экономической адаптации могут выступать в форме внутреннего капитала человека. Такое определение возможно на основе расширительной трактовки понятия «капитал», позволяющего относить к нему не только материальные, но и нематериальные активы. Человеческие ресурсы

есть «форма капитала, потому что они являются источником будущих заработков, или будущих удовлетворений, или того и другого вместе. Они человеческие, потому что является составной частью человека» [41]. Выделяются следующие свойства нематериальных ресурсов, позволяющие определить их как особую форму капитала, который:

- имеет длительное и все же ограниченное время использования;
- как любой истощаемый или неиспользуемый ресурс, он может устареть до того, как будет реализован или исчерпан полностью;
- имеет стоимостную субстанцию, поэтому может накапливаться или обесцениваться в зависимости от предложения замещающих факторов и спроса;
- формируется в виде определенного запаса, имеющего количественную, качественную и стоимостную оценку;
- требует определенных усилий и инвестиций для своего накопления, развития и совершенствования.

В целом, многочисленные эмпирические исследования, которые проводятся учеными-экономистами в разных странах мира, фактически оценивают именно монетарные выгоды от образования, а именно различия в зарплате более и менее образованных работников [125]. Подобные оценки, как правило, проводятся на основе разработок Минсера, которые ставят разницу в зарплате (т.н. wage-gap) в зависимость от ряда факторов, прежде всего, от образовательного уровня работника [123]. Однако здесь же учитываются такие индивидуальные характеристики, как пол и возраст работника, опыт работы, а также характеристики фирмы и региона. Относительно немногочисленны пока работы, в которых авторы вводят социальные факторы, такие, как принадлежность семьи (родителей) к определенному социальному классу, их занятие, образование [115].

Но, давая теоретический базис исследованиям ресурсных функций высшего образования как стимула более эффективного экономического поведения, авторы подобных методик подчеркивают необходимость дополнительного изучения процессов, влияющих как на мотивы получения образования, так и на его эффективную реализуемость.

Основным социальным условием успешного завершения трансформации с реальным выходом страны на траекторию устойчивого развития, является выработка достаточно большим числом людей продуктивных моделей социально-экономического поведения, основанных на реализации индивидуальных ресурсов. Способность индивидов, различных социально-экономических слоев и групп к рациональному и эффективному использованию имеющегося набора адаптационных ресурсов, с целью встраивания в сложившуюся социально-экономическую ситуацию, влияет на ход и качество процесса социально-экономической адаптации населения.

Теоретические возможности для подобного утверждения дает получившая распространение с середины XX века теория рационального выбора, явившаяся результатом исследований экономистов неоклассической школы [110;127]. В рамках этой теории человек рассматривается как некоторый «максимизатор выгоды», чьи действия нацелены на максимально возможное увеличение собственного благополучия, в том числе, через мобилизацию усилий для наиболее успешной реализации собственных возможностей (времени, труда, образования и т.п.).

Задача адаптации, таким образом, связана с мобилизацией всех имеющихся индивидуальных ресурсов. Соотношение ресурсов, в нашем случае, высшего образования, с возможностью их реализации и поиском наиболее эффективных возможностей этого, исследуется в рамках данной теории.

Рациональный выбор обычно определяется через категории целей и ограниченных ресурсов, необходимых для их достижения, т.е. его исследование предполагает изучение экономического поведения с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление. Люди намечают цели и используют различные средства для их достижения. В сугубо экономических терминах это звучит, согласно К. Менгеру, следующим образом: ценность каждого количества товара равна важности его в удовлетворении различных желаний человека. Таким образом, рыночная цена (в нашем случае - затраченные ресурсы) зависит от ожидаемой «предельной полезности» единицы товара (результата адаптационной стратегии) для конкретного человека.

В настоящее время, при обосновании тезиса об «экономической рациональности» поведения, многие экономисты проявляют известную осторожность, основанную на понимании роли факторов, объективно и субъективно ограничивающих возможности рациональности поведения, результатом чего стала оформленная Г. Саймоном [132] теория «ограниченной рациональности». Этим же автором вводится в анализ категория «ограниченности притязаний», разработанная К. Левиным, которая исходит из положения о том, что у человека есть некоторое представление о том, на что он может (имеет право) рассчитывать. Особую сложность приобретает осуществление рационального выбора в условиях трансформирующегося общества, поскольку неформальность институциональной среды затрудняет возможности оценки ситуации и адекватности собственных ресурсов ее требованиям.

Ограниченность тезиса об «экономической рациональности», продемонстрированная российским «правительством реформ», состояла в интерпретации экономического поведения как поведения идеального типа. Расчет на *homo economicus* предполагал взаимодействие не реальных людей, каковы они есть, а сугубо рационально (в формальном смысле) действующих экономических субъектов.

Выработка и реализация социально-экономической политики не может быть сколько-нибудь успешной без учета сложившегося социального контекста. Представляется, что, рассматривая адаптационное поведение населения с точки зрения теории рационального выбора, невозможно ограничиться формальной интерпретацией экономической рациональности, под которой понимается максимизация любой целевой функции при заданных ограничениях, т.е. происходит подбор оптимальных средств без каких-либо требований к содержанию контекста, в котором реализуется намеченная цель.

Характеризующаяся стабильностью институциональная среда не только способствует поощрению моделей поведения, основанных на максимальном использовании имеющегося ресурсного потенциала, но и создает саму возможность их реализации. Взаимодействие с государственными и общественными институтами, в идеале, должно содействовать выстраиванию

перспективных стратегий социально-экономического поведения, в том числе позволяя обнаруживать «ошибки выбора», т.е. ситуации, в которых ресурсы могут быть недо- или переоценены или неадекватны поставленным целям. В странах со сложившимися и развитыми институтами выявление «ошибки выбора» значительно облегчено в силу высокой степени доверия экономических акторов к институтам и однозначности в понимании подаваемых рынком сигналов. Доступность и транспарентность информационных потоков разного содержания, возникших вследствие широкого распространения информационных технологий, делает процесс обнаружения ошибки и соответствующей коррекции социально-экономического поведения более быстрым и эффективным.

Российские реформы 90-х годов, кардинально изменившие весь социально-экономический контекст и поставившие население страны перед необходимостью выбора новой поведенческой стратегии, причем в условиях максимального ограничения ресурсов для такого выбора, предоставляют уникальные возможности исследования этого «естественного эксперимента». Незавершенность адаптационных процессов в российском обществе делают такую задачу вдвойне актуальной. Мы употребляем «эксперимент» лишь в качестве научного термина (от англ. «natural experiment»), не имея в виду эмоционально окрашенное выражение «эксперимент над живыми людьми», часто встречающееся в социально-экономических работах отечественных ученых.

Находясь в парадигме «экономической рациональности» поведения, необходимо определить пределы рациональности человека. Исследователями признается ограничение рациональности системой индивидуальных мотиваций, уровнем информированности, пониманием «правил игры» и другими факторами. Так, например, в модель ограниченной рациональности вводится фактор неполноты информации, на основе которой производится выбор модели поведения. Дефицит информации ограничивает рациональность применительно к данным условиям внешней среды [131]. Согласно Саймону, человек не ведет бесконечный поиск наилучшего варианта: столкнувшись с проблемой (в нашем случае - это необходимость адаптации), он, на основе доступной информации и сложившихся в обществе норм и традиций, и исходя из собственных

притязаний, рассматривает различные варианты поведения до тех пор, пока не находит приемлемый вариант. В этом случае роль государственных и общественных институтов состоит в создании условий, обеспечивающих поиск и реализацию наиболее эффективных и социально приемлемых стратегий адаптационного поведения. Иными словами, необходимо стимулировать поиск вариантов с максимальной ожидаемой полезностью в условиях, когда знание о будущем носит вероятностный характер [63;100].

Другой фактор, ограничивающий рациональность индивида, состоит в том, что человек в обыденной жизни заблаговременно не всегда высчитывает результаты своего поведения - действие часто определяется привычкой. Развитая рыночная среда предполагает воспроизводство сложившихся моделей социально-экономического поведения, что, безусловно, облегчает проблему рационального выбора применительно к данной внешней среде. Совершенно иная ситуация наблюдалась в постсоветской России, не имевшей сложившихся институтов, облегчающих коррекцию «ошибок выбора». Наличие дисфункций в экономической и правовой инфраструктурах приводит к тому, что экономические акторы могут легко принять за ошибку то, что на самом деле является правильным решением и наоборот.

Таким образом, нашей задачей будет понять, в какой мере взаимодействие с современной образовательной сферой страны обеспечивает:

- формирование в обществе определенных социально-экономических ориентаций и поведенческих установок, адекватных реализуемой модели развития страны;
- создание относительно плодотворных условий взаимодействия с внешней средой, т.е. обеспечение «обратной связи» между социально-экономическим контекстом и новыми жизненными стратегиями, выстраиваемыми на основе формируемых установок и имеющихся ресурсов;
- обеспечение возможностей для успешной реализации этих стратегий, достижения приемлемых доходных и статусных позиций.

1.3. Методология исследования роли образования в процессе адаптации

В исследовании ставится задача рассчитать объем адаптационного потенциала, интегрирующего образовательный, профессионально-квалификационный, информационно-культурный ресурсы и ресурс социальных связей различных групп населения России. Также предполагается проанализировать возможности эффективной реализации накопленного адаптационного потенциала для достижения сравнительно высоких материальных и статусных позиций. Мы предполагаем, что развитие каждого из ресурсов повышает возможности социально-экономической адаптации к сложившимся в результате реформ внешним условиям.

Образовательный ресурс определяет уровень общей и профессиональной образовательной подготовки человека. Накопление значительного образовательного ресурса увеличивает навыки обучаемости, расширяет возможности соответствия требованиям конкурентного рынка труда, смены профессии и овладения новой специальностью, дает возможность сравнительно быстрой оценки внешней среды, что особенно важно при ее изменениях, и выработки рациональной стратегии поведения.

Профессионально – квалификационный ресурс, в отличие от образовательного, показывает уровень развития профессиональных умений и навыков; в том случае, если он высок, человек может быть конкурентоспособен на рынке труда в рамках своей специальности, даже при наличии невысокого образовательного ресурса (например, при наличии среднего специального образования).

Адаптационная значимость информационно – культурного ресурса определяется тем, что работодателя, помимо соответствующих профессиональных качеств работника, все более интересуют проблемы внутрифирменной культуры, другие личные качества сотрудника, формируемые в социокультурной среде. Кроме того, повышение информационно – культурных возможностей человека позволяет ему использовать большее число каналов получения значимой информации, нахождения приемлемой работы, т.е.

увеличивает вариантность поиска успешных и наименее затратных способов адаптации.

Ресурс социальных связей определяется возможностью индивида использовать для успешной адаптации преимущества, получаемые в результате эффективного взаимодействия с внешней средой. В посткоммунистических обществах, в ситуации дефицита экономических ресурсов адаптации, насыщенность социальных связей оказывается одним из важнейших источников выживания [78].

Для расчета адаптационного потенциала, в диссертационной работе проведен вторичный анализ данных массового опроса «Формирование среднего класса в России». Исследование проведено в 2000 году по репрезентативной для российского населения выборке; опрошено 4000 домохозяйств в 12 регионах России.

Данное социологическое исследование содержит информацию, позволяющую рассчитать значения адаптационных ресурсов населения:

- уровень образования респондентов;
- самооценку уровня профессионализма респондентов;
- использование различных источников получения информации (чтение; просмотр телепередач; посещение театров, кинотеатров, музеев; работа с компьютерными программами, базами данных, сетью Интернет);
- получение разного вида помощи (в домашнем хозяйстве; материальной помощи; информационной помощи при решении важных проблем – получения образования, медицинского обслуживания, покупке, продаже или ремонте жилья, устройстве на работу) за счет встраивания в систему внесемейных социальных связей.

Следующим шагом анализа в диссертационной работе, является определение глубины дифференциации различных групп населения по критерию обеспеченности адаптационными ресурсами. В качестве факторов, влияющих на уровень обеспеченности ресурсами, в исследовании выделяются следующие:

- пол;
- возраст;
- тип поселения;

- регион проживания.

С целью определения динамики реализуемости высшего образования в достижение сравнительно высоких материальных и статусных позиций, в исследовании используются данные мониторингового исследования ИСЭПН РАН, презентирующего городское население России. Опрос проводился в трёх городах России, различающихся численностью населения и уровнем социально – экономического развития. Использованы данные 1993, 1995, 1997 годов. Выборка каждый раз составляла 700 респондентов.

Реализуемость адаптационного потенциала и высшего образования определяется путем сравнения результатов адаптации групп населения, различающихся по степени развития нематериальных ресурсов. Проведенный анализ учитывает следующие параметры:

- субъективная оценка материальной обеспеченности;
- социальная самоидентификация;
- оценка уровня социально-экономической адаптации.

В рамках рассмотрения доступности высшего образования для различных групп российского населения, ставится задача рассмотреть существующие «пороги доступности» высшего образования, определяемые:

- уровнем материальной обеспеченности домохозяйства;
- уровнем образования и социальным статусом родителей;
- уровнем социально – экономической адаптации домохозяйства;
- местом проживания семьи.

Для исследования значимости определенных факторов, в качестве объекта исследования определены домохозяйства, имеющие в своем составе одного или нескольких молодых людей от 18 до 28 лет - студентов высших учебных заведений и/или их ровесников, не обучающихся в Вузах. Расчеты проводятся с использованием базы данных массового опроса по проблемам формирования среднего класса в России.

В работе использованы данные массового опроса студентов государственных Вузов (опрос реализован при непосредственном участии диссертанта в трех городах: Москве, Вологде и Таганроге в 2003 году; объем выборки составил 900 домохозяйств). Для получения максимально полной

информации были опрошены студенты престижных, среднепрестижных и непрестижных Вузов, обучающиеся на престижных и непрестижных факультетах (по экспертной оценке) (табл. 1.4, 1.5).

Таблица 1.4

Вузы, студенты которых вошли в число респондентов

Вузы		
Престижные	Среднепрестижные	Непрестижные
Московский государственный университет	Российский государственный гуманитарный университет	Московский инженерно-строительный институт
Академия внешней торговли	Академия нефти и газа	Московский институт инженеров транспорта
Государственный университет – Высшая школа экономики	Московский университет бизнеса и управления	Московский государственный университет дизайна и технологии
Московский государственный технический университет им. Баумана	Российский университет дружбы народов	Государственный университет землеустройства
Московский архитектурный институт	Московский государственный технический университет им. Косыгина	Московский горный университет
Российская экономическая академия им. Плеханова	Московский энергетический институт	Московский государственный педагогический университет
Государственная академия управления	Вологодский педагогический университет	Московский институт тонких химических технологий
Вологодская молочно-хозяйственная академия	Таганрогский университет управления и экономики	Московский автодорожный институт
Таганрогский радиотехнический университет		Московский институт стали и сплавов
		Вологодский государственный технический университет
		Таганрогский педагогический университет

Таблица 1.5

Факультеты, студенты которых вошли в число респондентов

Факультеты	
Престижные	Непрестижные
Экономический	Биологический
Управления	Философский
Социологический	Химический
Журналистский	Машиностроительных технологий
Прикладное искусствоведение	Геологический
Промышленного менеджмента	Технологический
Психологический	Аграрный
Архитектурное строительство	Архивного дела
Вычислительной математики	Географический
Инженерно-экономический	Русского языка
Юридический	Механизации
Иностранных языков	Филологии
Физико-математический	Естественно-географический
Исторический	Музыкально-педагогический
Искусствоведческий	Физической культуры
Художественно-графический	Инженерно-строительный
Экологический	Социальной педагогики

Результаты исследования позволяют использовать следующую информацию:

- социально-демографические и экономические характеристики домохозяйства, включая данные об уровне образования родителей, материальном положении семьи, плотности и разветвленности социальных связей домохозяйства;
- мотивы получения высшего образования;
- усилия и средства, затраченные на поступление в Вуз;
- жизненные стратегии (представление о наиболее эффективных жизненных стратегиях; о соотношении собственного ресурсного потенциала с жизненными целями и ценностями; о собственных долгосрочных перспективах);
- модели образовательного поведения (углубленные занятия, получение дополнительных навыков, работа в рамках избранной профессии);

- социальная динамика (представления о действующих (формальных и неформальных) и желательных правилах вертикальной мобильности; готовность следовать правилам, обеспечивающим вертикальную мобильность; готовность влиять на их корректировку).

Обработка и анализ полученной информации дают возможность проверки следующих гипотез:

1. Стратегии поступления в Вузы различны и формируются домохозяйством, исходя из объема располагаемых материальных и социальных ресурсов;
2. Среди студентов отмечается значительная диверсификация мотивов получения высшего образования;
3. В зависимости от мотивов получения высшего образования и ресурсной обеспеченности семей, студенты демонстрируют различные модели образовательного поведения.